
Часть первая

СОН В НАЧАЛЕ ТУМАНА

1

Утром четвертого сентября 1910 года жители селения Энмын, расположенного на берегу Ледовитого океана, услышали необычный грохот. Это не был треск раскальвающегося льда, грохот снежной лавины или камнепада со скалистого мыса Энмын.

В этот миг Токо стоял в чоттагине¹ и натягивал на себя белую камлейку². Он осторожно просовывал руки в широкие рукава, касался материи лицом, вдыхал запах — резкий, чужой. И думал, что не придется в этой камлейке ходить на песцовую охоту, пока она не выветрится на студеном ветру. Иначе все, к чему он будет прикасаться: капканы, винчестер, лыжи-снегоступы, — все пропитается этим запахом.

Грохот ударил в уши. Токо быстро просунул в пройму голову и одним прыжком выскочил из чоттагина.

Там, где еще вчера стоял корабль белых, медленно расходилось облако, а под ногами у Токо хрустели осколки льда.

В грохоте был повинен корабль белых.

Из всех двенадцати яранг высыпали люди. Они стояли в молчании, обратив лица к кораблю и гадая о причине странного взрыва.

Подошел Армоль.

— Наверно, они пытались расколоть лед вокруг корабля.

— Я тоже так думаю, — согласился Токо, и оба охотника быстрыми шагами направились ко вмерзшему в лед кораблю.

Облако над кораблем развеялось, и в утреннем сумраке уже можно было различить яму во льду под бушпритом. Ноги все чаще натыкались на обломки льда, густо разбросанные вокруг корабля.

---

¹ Чоттагин — холодная часть яранги.

² Камлейка — матерчатый балахон, надеваемый поверх меховой одежды.

На палубе слышались возбужденные голоса, и в желтом свете иллюминаторов металась длинная быстрая тень.

Токо и Армоль замедлили шаг. К ним подошли остальные.

— Кровь! — воскликнул Токо, наклонившись к следам, ведущим от ледяной ямы к кораблю.

— Кровь! — повторили люди, глядя на пятна на льду и палубной надстройке.

Из деревянного промерзшего чрева корабля послышался долгий, протяжный стон, похожий на вой раненого волка.

— В корабле беда! — крикнул Токо и одним прыжком оказался на палубе.

Осторожно отворив дверь, он увидел белых моряков, столпившихся посреди каюты. Под низким потолком корабля плыл пар от дыхания. Жестяные коптилки, заправленные тюленьим жиром, едва горели.

Вместе с Токо в каюту ворвался морозный воздух, долговязый моряк с замотанной цветастым шарфом шеей крикнул что-то сердито и резко. Токо не знал языка белых людей, но понял, что его гонят отсюда. Он выскочил из каюты, чувствуя спиной занесенный над ним кулак.

Люди селения Энмын стояли у борта корабля. Они молча, взглядами, спросили Токо о случившемся, но он только покачал головой и присоединился к толпе.

Корабль пришел в Энмын дней десять назад. Должно быть, он забрался далеко на Север, за пролив между Невидимой землей¹ и берегом материка, и теперь торопливо удирал от надвигающихся ледяных полей, собравшихся занять свое место на всю долгую зиму. Но льды все же загнали корабль и прижали его к скалистому берегу Энмына.

Белые люди сошли на берег. На их лицах была печать уныния и усталости. Они ходили по ярангам и, в отличие от своих предшественников, спрашивали не меха, не китовый ус и моржовые бивни, а теплую одежду и оленьего мяса. Оленьего мяса не было, и белые не побрезговали и моржовой печенкой.

---

¹ Невидимая земля — остров Врангеля.

За одежду они давали скудную цену, но все же товары были добротные и нужные — иглы, топоры, пилы, котлы.

Капитан с клочками волос на щеках и длинным жестким костлявым лицом, туго обтянутым сухой, шершавой кожей, разговаривал с Орво, который когда-то плавал на китобойной шхуне и даже жил в Америке, расспрашивая про дорогу в пролив Ирвытгыр и с тоской глядя на затянутый плотным льдом горизонт.

Орво было жаль его, и он пытался втолковать, что не раз уже бывало так: задует сильный южак и отгонит лед от берега. Такое случалось не только в начале зимы, но даже и в середине, в темные дни, когда солнце бродило за линией горизонта, не смея высунуть лицо на мороз.

Капитан молча сосал пустую трубку и тяжело вздыхал.

Два дня назад потянуло с юга. С вершин погнало снег на припай, и недалеко от судна белых пролегла широкая трещина, ведущая к большому разводью.

Моряки повеселели и не покидали корабль, надеясь не упустить благоприятный момент.

В такой ветер слегка разгоняло лед за мысом Энмын, и с припая можно было бить нерпу, пополняя летние припасы.

Охотники уходили на заре, чтобы захватить во льдах начало короткого дня, и возвращались, волоча тяжелую добычу. В чоттагинах пылали костры, сытые люди пели песни, и глухие удары яраров¹ доносились до вмерзшего в лед корабля.

Зима обещала быть спокойной: мясные ямы были заполнены доверху: вперемежку лежали моржовые кымгыты², свернутые вместе с кожей, целые тюленьи тушки, с которых были сняты лишь шкуры и отрублены лапы. Хорошо поохотились жители Энмына в это лето, хорошо поторговали, и запасы табаку и чая были так велики, что даже Орво, знающий истинную цену изделиям белых людей, расщедрился иной раз и угощал щепоткой табаку нищего капитана с вмерзшего в лед корабля.

Орво подошел к Токо.

---

¹ Ярар — бубен, обтянутый кожей моржового желудка.

² Кымгыт — рулет из моржового мяса.

— Надо было им немного подождать, — сказал он глухо, кивая по направлению к кораблю. — Будет южный ветер.

— Стонет человек. Ходил я туда, да меня криком прогнали.

— Может быть, и не прогнали, — предположил Орво. — Белый человек иной раз самое ласковое слово так скажет, словно крепко обругается.

— Может, снова подняться? — спросил Токо.

— Погоди, — удержал его Орво. — Как понадобится наша помощь, так позовут. Самим соваться не стоит. У белых есть такой сход — суд. Я видел в Номе. Сидят люди, одетые в черное, целуют раскрытую книгу и решают: кого удушить веревкой, кого заточить в сумеречный дом.

— Такие у них наказания? — ужаснулся Армоль.

— Да ведь и вина велика бывает, — со вздохом проговорил Орво.

Громкий стон заставил вздрогнуть собравшихся. Высветился четырехугольник двери, и на палубе показался капитан. Всмотревшись в серевшую толпу, он выкрикнул:

— Орво!

— Йес! Итс ми! — с готовностью отозвался Орво и заковылял к широкой доске, заменявшей трап.

Войдя в кают-компанию и присмотревшись, он разглядел на низкой койке распростертого человека. Поверх окровавленного одеяла лежали руки, обвязанные белой материей. Это был молодой парень, которого все звали Джон, а жители Энмына по своему — Сон.

Джон лежал с закрытыми глазами и тихо стонал. Мокрые светлые волосы прилипли ко лбу, и тонкие ноздри трепетали, словно ловили возбуждающий запах. Под сомкнутыми ресницами лежала тень, как под снежным козырьком.

Капитан показал на раненого, на его руки.

— Джон паф!

Орво смотрел на лежащего и без объяснений капитана начинал догадываться о том, что случилось. Нетерпеливые моряки решили взорвать ледяную перемышку, отделявшую их корабль от разводья. В бытность моряком Орво видел и такое. Во льду бурили углубления, вставляли в них большие бумажные патроны, поджигали тонкую

веревку, по которой быстро бежал огонь. Лед взрывался, и взметывались высоко в небо осколки. Иногда это помогало. Но сегодняшний грохот был попусту. Взрыв не родил ни одной трещины.

— Надо было подождать, — рассудил Орво. — Может, будет ветер и лед отгонит от берега.

Капитан закивал и сделал знак, чтобы столпившиеся около раненого расступились. Орво подошел ближе. Видать, парню попало в обе руки, точнее говоря, в кисти...

— Орво! — позвал капитан.

Старик оглянулся и увидел на столе небольшую металлическую флягу.

— Есть еще семьдесят долларов. Вот они. — Капитан положил на стол смятую кучку бумажных денег, к которым Орво относился без особого доверия, хотя хорошо знал, что эти деньги берут не хуже металлических. — Надо отвезти Джона в больницу. Иначе он умрет.

Услышав эти слова, раненый громко застонал и поднял веки. Орво стоял близко и увидел потускневшие от боли голубые глаза.

— Далеко больница, — вздохнул Орво, — в Анадыре. Сон может не доехать.

— Другого выхода нет, — пожал плечами капитан. — Надо помочь парню.

— Помочь надо, — согласился Орво. — Буду говорить с товарищами.

Толпа у борта корабля не расходилась. На востоке за острыми вершинами дальних торосов разгоралась заря, но звездный свет не слабел и созвездия мерцали с той же яркостью, как и среди ночи.

Орво медленно спускался по обледенелой доске-трапу.

— Что случилось? — первым спросил Токо.

— Сону разбило руки, — сообщил Орво. — Худо ему. Надо в Анадырь везти.

— Куда? — переспросил Армоль.

— В Анадырь, — повторил Орво. — Там при уездном начальнике есть русский доктор.

— Кто же повезет его в такую даль? — усомнился Токо. — А вдруг по дороге помрет?

— Помереть он и здесь может, — заметил Орво и, помолчав, добавил: — Платить им нечем. Только и есть, что бутыль дурной веселящей воды да ворошок бумажных денег.

Мужчины опустили глаза и долго рассматривали носки своих торбасов. В наступившей тишине через тонкие деревянные стенки каюты доносились стоны раненого.

— Кто он нам? — нарушил молчание Армоль. — Чужой человек, белый. Пусть сами обходятся как знают. Не мы его ранили, не наша и забота.

— Армоль говорит верно, — подтвердил Токо. — А что они нам хорошего сделали? Табаку и того у них нет. Сгоняем собак до Анадыря и обратно — это же надо без малого всю луну мотаться! Сколько корму уйдет! Некогда будет на охоту ходить, кто тогда будет кормить оставшихся в яранге?

— И ты, Токо, тоже прав, — согласился Орво.

Он стоял, широко расставив ноги, и напряженно думал. Люди верно говорят: с какой стати они будут помогать белому человеку, у которого и свои шаманы, и свои обычаи, и своя земля?

Когда он был на Аляске и кашель сгибал его пополам, кто помог ему? Кто помог ему, бродившему у мусорных ям и вступавшему в драку с собаками за обедки? Да и на корабле ему было не лучше. Никогда его не сажали вместе со всеми. После обеда кок выносил ему полное ведро, где всего было вперемешку — и кости, и мясо, и сладкое, и горькое, и соленое. Он ел, а белые смотрели и смеялись. Когда на плавающей льдине увидели белую медведицу и убили ее, а медвежонка взяли на борт, матросы корабля к зверю относились с большей заботой, чем к человеку, к Орво, который бил и моржей, и китов, и этих же белых медведей...

Стоны становились громче. Кругом понемногу светлело, и из тьмы проступал засевший во льдах корабль с заснеженной палубой, с ледяными сосульками на снастях и с желтыми пятнышками света в затянутых толстым льдом иллюминаторах.

— Ступайте все в Энмын, — сказал Орво и первый зашагал к ярангам, повернувшись спиной к кораблю.

За ним потянулись остальные. Скрип снега под множеством подошв из лахтачьей кожи заглушил стоны раненого.

Но не успели люди достичь берега, как до них донеслись крики капитана.

— Орво! Орво! — кричал капитан, появляясь из морозной мглы. — Подождите! У меня есть к вам дело.

Он схватил старика за рукав и потянул за собой.

Орво стряхнул руку капитана и с достоинством произнес:

— Мы пойдем втроем: Токо, Армоль и я.

— Хорошо, хорошо, — закивал капитан и потрусил обратно к кораблю.

Раненого, видимо, перенесли в другое место. В кают-компании его не было. На том месте, где он лежал, Орво увидел три винчестера, цинковый ящик с патронами и большую стальную двуручную пилу.

— Если вы отвезете его в Анадырь и привезете оттуда бумажку, что доставили его туда в целости и сохранности, эти винчестеры будут ваши, — заявил капитан.

Токо, у которого в жизни никогда не было хорошего оружия, лишь плохонькое ружье, тут же кинулся к винчестерам. Это была неслыханно щедрая цена! Три винчестера с патронами за месячную поездку!

— И он отдаст эти ружья сразу же? — спросил Токо у Орво.

— Сейчас узнаю. — Орво заговорил с капитаном по-английски.

Спорили и разговаривали они долго. Потом капитан схватил винчестер и протянул его Орво.

— Он говорит, что готов нам отдать только один винчестер, а остальные — когда вернемся.

— А не обманет? — засомневался Токо.

— Так мы и поверили ему. — Армоль сплонул в сторону. Капитан недовольно посмотрел на него, потом перевел взгляд на пол, куда упал желтый комочек слюны.

Токо толкнул товарища в бок и шепнул:

— Нехорошо плевать в деревянной яранге.

Капитан подошел к винчестерам, взял один из них и почти насильно втиснул в руки Орво. Из двух других винчестеров он вынул магазины и передал их Армолю и Токо. Потом он сказал что-то с важным видом, и Орво тут же перевел:

— Капитан клянется головой, что эти винчестеры будут нас ждать на судне, куда мы не вернемся. А в залог он отдает нам гнезда для патронов.

Армоль и Токо переглянулись, и Токо сказал:

— Мы согласны.

Все трое вышли из каюты и спустились по трапу на лед. Толпа снова вернулась к борту и в ожидании вестей молча стояла на морозе.

Орво, Армоль и Токо шли рядом, направляясь к ярангам. Позади них следовала молчаливая толпа, отдаляясь от обледенелого корабля.

— Надо было попросить у них еще маленькую деревянную лодку, — с сожалением проговорил Армоль.

— Они дали хорошую цену. Обижаться нечего, — рассудительно заметил Орво. — Вот взять у них маленькую матерчатую ярангу — другое дело. Раненый не привычен ночевать в тундре, да и матерчатая палатка — хорошая вещь. Глядишь, нам она потом и достанется. На камлейки можно будет разрезать.

Токо вошел в свой чоттагин. Жена уже все знала. Она достала из кожаного мешка одежду для дальней дороги — широкую кухлянку мехом наружу, пыжиковую нижнюю кухлянку, двойные штаны, три пары торбасов, рукавицы, камлейку из оленьей замши, окрашенную охрой, малахай с густой опушкой из неиндевеющего росомашьего меха и кусок медвежьей шкуры — подстилать под себя.

Токо снял с крыши зимнюю нарту с березовыми полозьями, разыскал длинный лахтачий потяг и ушел ловить ездовых собак, вольно гуляющих по селению.

2

Джон ни на минуту не терял сознания, но боль в кистях была так сильна, что, кроме нее, он ничего не чувствовал, и ему казалось, что между ним и остальным миром зыблется сплошная завеса страдания.

Каждое резкое движение вызывало в памяти ослепительный фейерверк, вспыхнувший перед его глазами несколько часов назад...

Проглотив большую кружку кофе со сгущенным молоком, Джон почувствовал необыкновенный прилив сил и даже с некоторым удивлением обнаружил, что никогда за последние дни он не был так уверен в благоприятном исходе своего первого арктического путешествия.

Выйдя из тесной, прокуренной кают-компании, Джон всей грудью вдохнул морозный воздух и даже ласково взглянул на пустынный скалистый берег, где темными пятнами выделялись на снегу хижины местных жителей, называемых чукчами. Острая радость пронзила его при мысли о том, что он, Джон Макленнан, рожден вдали от этих ужасных мест. Чувство, похожее на сочувствие к обездоленным, шевельнулось у него в груди, когда он кинул мгновенный взгляд на сгрудившиеся жилища и на столбики дыма, еле видимые в сумраке.

Джон Макленнан родился в Порт-Хоупе в семье библиотекаря на берегу великого американского озера Онтарио. Улица, на которой стоял их дом, спускалась к берегу, а вдали покачивалась небольшая яхта «Счастливого пути». Но не яхта, а книги позвали младшего Макленнана в далекие моря. Стихи Киплинга, туманные намеки бывалых мореплавателей о далеких землях, о ночных бурях, об утренних берегах, на которые не ступала нога цивилизованного человека.

Проучившись два года в Торонтском университете, Джон, несмотря на увещевания отца и матери и на полные мольбы глаза своей невесты Джинни, милой Джинни, маленькой учительницы, пустился в дальний путь. Он пересек материк по железной дороге. Из Ванкувера он перебрался в Ном, а там... Там-то уж судов хватало.

Китобойцы, торговые корабли «Гудзон бен Компани», какие-то немыслимые посудины, кое-как приспособленные для плавания в арктических морях, белоснежные яхты из Соединенных Штатов заполняли обширную гавань.

В портовом кабачке Джон Макленнан быстро нашел своего будущего хозяина Хью Гровера, почти земляка, владельца торговой шхуны. Капитан, он же и судовладелец, был родом из Виннипега и, подобно Джону, заразился морем еще в юношестве, наслушавшись рассказов своего дяди, который когда-то плывал по Гудзонову заливу. Хью Гровер оказался единственным наследником дяди, когда тот умер, упав возле своего дома прямо на зеленеющий газон, подстриженный собственноручно всего лишь несколько минут назад.

На корабле, заполненном разношерстной командой, большинство из которой даже не могли припомнить, где их родина, Джон сразу же занял привилегированное положение, и, хотя по штату капитану помощника не полагалось, Джон стал им, а кроме того, и ближайшим другом Хью Гровера.

Все шло прекрасно. Пробираясь на север, вдоль побережья Ледовитого океана, делая короткие остановки для торговли с аборигенами, Хью и Джон мечтали поставить рекорд и достичь устья далекой сибирской реки Колымы. Это было бы событием в истории мореплавания по русской Арктике, и имена Джона Макленнана и Хью Гровера могли быть увековечены на карте, подобно именам Франклина, Фробिशера, Гудзона и других великих белых, покорявших снежную тишину.

Увлечшись славой первооткрывателей, Хью и Джон не слышали ропота команды и позабыли про календарь, который неумолимо отсчитывал дни короткого северного лета.

За проливом Лонга, когда устье великой сибирской реки уже было совсем рядом и на воде то и дело попадались принесенные ее течением стволы таежных деревьев, искалеченные волнами, на горизонте появилась внешне безобидная, однако самая страшная, какая только может быть в Ледовитом океане, белая полоска.

Только тогда пришел в себя капитан Гровер и круто положил штурвал, повернув назад «Белинду».

К вечеру белая полоска превратилась в ясно видимое ледяное поле. Капитан приказал поднять паруса и крикнул в машинное отделение, где стоял Джон, чтобы выжали всю мощностъ, какая только могла быть в стареньком моторе.

Трое суток шли безостановочно, удирая от неумолимо надвигающегося ледяного поля. По вечерам, когда тьма опускалась над морем и льда не было видно, сердца моряков наполнялись надеждой, что удалось уйти от гнавшейся за ними белой смерти.

Но утром, едва занимался бледный рассвет, начинал светиться светлее утреннего неба лед и стоявшие в удрученном молчании моряки слышали далекий треск и шорох льдин.

Вскоре лед догнал «Белинду» и заключил в свои объятия. Теперь корабль двигался вместе с ледяным полем, не имея ни возможности пристать к берегу, ни изменить курс.